

Л. Волков — Ланнит

ПЛАСТИНКА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

С появлением радио, звукового кино и других электромеханических средств передачи звука началась эра широчайшего распространения музыкального искусства. Успехи науки и техники способствовали тому, что музыку, лучшие ее творения, созданные человеческим гением, стало возможным передавать в «овеществленных формах». «Овеществленная» музыка становится теперь предметом бытового обихода.

Дешевая, портативная и простая в употреблении «вещь», заключающая в себе особым способом зафиксированные звуки, способна в любую минуту стать замечательным пропагандистом музыкальной культуры. Впрочем, далеко не только музыкальной.

Она может говорить, петь, плакать, смеяться, — может вызывать любые человеческие эмоции в любой форме звукового выражения. Она — пламенный оратор, вдохновенный поэт, гениальный скрипач. Она — граммофонная пластинка.

Мы не ошибемся, если скажем, что за последние пятнадцать лет граммофонная пластинка прочно и основательно вошла в быт сотен миллионов жителей земного шара. Миллионы людей интересуются пластинкой так же, как интересуются хорошей книгой. Появилось множество коллекционеров пластинок, ее ценителей и ее критиков. Издаются специальные журналы, регулярно аннотирующие выпускаемые записи. Существуют специальные граммофонные клубы.

Столь грандиозному успеху граммофонных пластинок содействовали в значительной мере большие достижения техники звукозаписи.

Надо сказать, что всеобщее увлечение граммофонной пластинкой повторяется второй раз. Но первый раз (это было ровно 50 лет назад) общественное мнение выражало свое восхищение больше самим фактом изобретения «говорящей машины», чем его результатами. Известно, что это восхищение продолжалось недолго.

В то время как другие «сверстники» граммофона — автомобиль, телефон, пишущая машинка непрерывно совершенствовались, «говорящая машина» оставалась на прежнем техническом уровне. Блестящее изобретение Эдисона и Берлинера постепенно превращалось в синоним мешанской ограниченности. Граммофону с пластинкой, казалось, суждено было доживать свой век в гостининых рантье. Но этого не случилось.

Граммофон пережил свое второе рождение.

История техники знает не мало примеров того, как старые идеи возрождаются на новой технической основе. Нужно было появиться в 1921 г. электронным лампам, чтобы высоко поднялась радиотехника. Только тогда радио в соединении с электроакустикой значительно улучшило технику звукозаписи, и граммофонная пластинка предстала в совершенно новом качестве.

Старая техника звукозаписи рядом своих особенностей ограничила репертуар, точнее, все многообразие звучания современной музыки. Изобретение электрозаписи и так называемого вентиляционного отсева массы, из которого сделана пластинка, окончательно разрешило проблему высокого качества звуковоспроизведения. Пластинка стала чистой посылу, электрическая мембрана, или, лучше сказать, адаптер (pic up) еще более повысил ее звучание и неразрывно связал ее с радио. Пересмотр старых технических идей на этом не кончился. Последние, самые лучшие пластинки, имеют так наз. глубинную запись звука. Это как раз тот вид записи, который применялся еще на фонографических валиках и который был отвергнут, как «несовершенный», при переходе на плоский диск.

Пластинки последнего десятилетия звучали относительно хорошо. Теперь они будут звучать настолько безукоризненно, что удовлетворят слух самого взыскательного музыканта.

Любопытно отметить, что толчком к бурному распространению пластинок в послевоенное время на Западе послужило появление джаза. Необыкновенный спрос на этот новый вид музыкального искусства (особенно в Америке) вырос настолько, что не хватало оркестров. И тогда в качестве посредника вышла граммофонная пластинка. Достаточно сказать, что один из первых джаз-оркестров тех лет — оркестр Сем Ла-нина — записан на пластинку в... пяти тысячах названий. Тираж этих граммофонных записей достиг в одной Америке 50 миллионов экземпляров. Нетрудно, конечно, представить себе качество этой поистине «конвейерной» музыки. Из этого ливня стандартных мелодий вышли очень немногие. Лучшая из них «St. Louis Blues» Handy записывается и переписывается до последних дней. Известно свыше тридцати вариантов этого блюза, записанного на пластинки. Только в одном американском издании тираж этой пластинки перевалил за полтора миллиона.

Джаз, конечно, не мог миновать радио и кино. Музыкальной сенсацией тех лет был один из первых телефильмов «Король джаза», в котором главную роль исполнял Поль Вайтмен (Whiteman) и его джаз-оркестр. Миллионы зрителей, придя из кино, хотели снова слушать понравившиеся им мелодии. И тут на помощь им пришла та же пластинка. Фабриканты были рады использовать каждое новое увлечение потребителя. Вслед за любимцем Whiteman'ом появились сотни других. Широко поставленная реклама делала свое дело. Фокстерьер слушающий в граммофонный рупор «голос его хозяина» («His master's voice»), — пластинка с этой этикеткой вскоре завертелась на пяти шестых земного шара.

В последнее десятилетие «граммофонная лихорадка» начинает спадать. Особенно показательна в этом отношении та же Америка — страна самой развитой граммофонно-пластиночной индустрии. Если в годы относительной стабилизации экономики еще можно было говорить о непрекращающемся спросе на пластинку, то в годы хозяйственной депрессии там наблюдается резкое падение потребления всякого «духовного ширпотреба».

Из года в год катастрофически падают тиражи пластинок. В 1925—26 гг. в США выпускалось до 25 миллионов пластинок в год, а через

10 лет уже не больше 5 миллионов. Резко падает там и производство акустических граммофонов (патефонов).

Что же касается репертуара современной американской грамзаписи, то, за исключением раздела классической музыки, очень немногочисленных записей фольклора и записей отдельных лучших джаз-оркестров, он не представляет для нас особого интереса. То же самое в общем можно сказать и о репертуаре пластинок других буржуазных стран.

Приходится только сожалеть, что замечательная техника звуковоспроизведения растрачивается на различные музыкальные пустячки, на эпатацию равнодушного и изрядно обедневшего потребителя.

Совсем в другом положении находится развитие граммофонно-пластиночной индустрии у нас в СССР. И совсем другие задачи мы возлагаем на граммофон и пластинку. Граммофон — распространитель оплума в руках буржуазии — у нас должен стать мощным орудием борьбы за общую и музыкальную культуру. Пластинка для нас является одним из средств пропаганды лучших образцов музыкального искусства в массах.

Советская пластинка разносит по всем уголкам необъятного Союза лучшие образцы музыкального и драматического искусства, речи и записи. Пластинка получает самое широкое распространение и научные быту. Она не только желанный гость в клубе и на семейной вечеринке. В ней нуждаются школы и избы-читальни, ее используют в программах фабричных радиоузлов, на занятиях в консерваториях, на лекциях в университетах.

План выпуска пластинок в 1937 г. заводами Гаммпласттреста утвержден правительством в количестве 50 миллионов штук. Если учесть, что в нашем быту уже звучат сотни миллионов пластинок и что каждую из них можно прослушать в среднем до трехсот раз, то легко представить огромную значимость граммпластинок в деле массового распространения музыкальной культуры. Приведенные цифры «репродуцированной» музыки, думается, заставляют нас отнестись к граммофонной пластинке с гораздо большим вниманием и серьезностью, чем это было до сих пор.

В. И. Ленин придавал огромное значение граммофонной записи. Известно, что он лично участвовал в организации и укреплении советской граммофонно-пластиночной промышленности. По директиве Ленина Центропечать получила в 1918 г. в свое распоряжение Апрелевскую фабрику, на которой было начато производство первых советских речевых, агитационных пластинок.

Наши речевые пластинки представлены в первую очередь живым словом вождей. Сохранилось 12 пластинок и 15 матриц (оригиналов) с речами В. И. Ленина. Записаны были также речи товарищей Калнина, Кирова, Луначарского.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов были записаны на пластинку выступления товарищей Сталина и Молотова. Эти записи — наиболее удавшиеся за все время существования советской граммофонно-пластиночной промышленности.

Первое заседание Чрезвычайного VIII Съезда Советов записано на 27 двухсторонних пластинок. Из них 21 пластинка — доклад товарища Сталина. Записью докладов товарищей Сталина и Молотова советская граммофоно-пластиночная промышленность может гордиться. У нас уже был некоторый опыт записи звука на пластинку вне студии. Таким способом, например, записан первый парад на Красной площади в Москве. Но при записи доклада вождей требовалась исключительная точность. Всякая техническая заминка хотя бы на полсекунды могла бы сорвать всю работу.

К открытию съезда студия звукозаписи была связана с Кремлевским дворцом тремя прямыми проводами. Четыре заранее подготовленных звукозаписывающих станка были включены в тот момент, когда на трибуну поднялись товарищи Сталин и руководители партии и правительства.

Современная техника звукозаписи дала возможность воспроизвести все нюансы выступления товарища Сталина — спокойствие и величавость его речи, обаятельную теплоту, убежденность и убедительность. Запись проводила специальная бригада Грмпластреста. Всего было сделано 56 записей. Один оригинал после обработки в гальванном цехе немедленно отправлялся на Апрелевскую фабрику для репродуцирования (печатания) пластинок. Второй оригинал записи доклада товарища Сталина передан на особое хранение.

Пластины с выступлением товарища Сталина записаны впервые. Страна получила звуковой документ огромного политического значения. Художественно оформленный альбом с пластинками — докладом товарища Сталина — сейчас становится настольной «звуковой книгой» в каждом колхозе и на каждом предприятии. Партийные кабинеты, различные пропагандистские кружки получили незаменимое пособие. Нет ничего нагляднее, как иллюстрировать занятия политкружка звучанием столь знакомых и столь убедительных слов исторического доклада.

Постановление ЦК партии 1933 года о развертывании производства граммофонов подчеркивало, что «репертуар пластинок должен быть разнообразным. Наряду с симфонической, классической и современной музыкой, он должен включать вокальную музыку, особенно песни народов СССР, художественное чтение, юмористические рассказы, романсы, арии, танцевальную музыку, в том числе обязательно народные танцы».

Партия и правительство обращают внимание на то, чтобы народному творчеству, записанному на пластинку, уделялось большое, серьезное внимание. В дружном и солидарном творчестве советских народов растет наша художественная культура. Эта культура, социалистическая по содержанию и национальная по форме, совершенно чужда какой-либо национальной ограниченности. Она интернациональна в самом высоком и подлинном смысле этого слова и потому, действительно, общечеловечна.

Проходящие в советской столице — Москве — декады национального искусства знакомят с творческими достижениями народов нашей страны. Народное музыкальное искусство русских, украинцев, грузин, узбеков, казахов и всех других народов Союза, в своих лучших образцах, должно стать известным не только в Советском Союзе, но и за его пределами.

Распространению и популяризации этих образцов может содействовать в огромной степени граммофонная пластинка.

Фонотека (собрание пластинок) советской грамзаписи насчитывает несколько сот названий таких пластинок. Граммофонные пластинки с песнями народов СССР звучат сейчас на двадцати языках. Некоторые из национальных записей по своеобразию музыкального выражения являются выдающимися событиями мирового искусства. На наших пластинках записаны замечательные грузинские и украинские хоры, песни, исполняемые в сопровождении лучших национальных инструментов, песни в исполнении лучших национальных солистов, как например «казахская пластинка» — игра на бубне узбекского народного артиста Уста Алим певича Ябыкова.

За последние три года советские национальные пластинки разошлись тиражом около 8 миллионов штук. В 1937 г., согласно художественно-тематическому плану Грмпластреста, предполагается сделать 1740 записей, из которых 790 посвящается творчеству народов СССР. Эти пластинки будут выпущены тиражом в 10 миллионов экземпляров.

Для укрепления и развития прочных связей во всех областях искусства народов СССР необходим постоянный обмен творческим опытом. Художественный обмен между советскими республиками, нашедший свое яркое выражение во всеююзных декадах национального искусства, должен быть распространен и в других формах. Организуя, например, обмен художественной продукцией (картинами, музыкальными произведениями и т. д.), нужно организовать также и обмен граммофонными пластинками. Этот обмен нужен уже теперь и потому, что многие музыкальные и искусствоведческие учреждения ведут самостоятельные граммофонные записи, известность которых не выходит за пределы республик.

Лучшие образцы музыкального искусства, записанные на пластинку, могут распространяться через общественные фонотеки. Работа таких фонотек принципиально ничем не отличается от работы библиотек. Репертуар фонотек, конечно, не должен ограничиваться развлекательной музыкой, а скорее, наоборот, своим содержанием привлекать интерес к музыкальной классике. Практика работы общественных фонотек (например в Баку) целиком подтвердила целесообразность их организации. Каждый абонент фонотеки может прийти и прослушать там интересующие его пластинки и даже получить их во временное пользование на дом. Еще лучше, если демонстрация пластинок может сопровождаться соответствующими музыкальными пояснениями. Такое наглядное обслуживание является лучшим стимулом музыкального самообразования.

Вряд ли следует подчеркивать, как велико сейчас это тяготение к музыкальному самообразованию. И граммофонной пластинке здесь принадлежит далеко не последняя роль. Нужны пластинки специального культурно-просветительного цикла, популяризирующего основы музыкальной грамоты. Нужны пластинки, где кроме самого музыкального произведения или его отрывков записано также выступление авторитетного музыканта, объясняющего эти произведения. Нужны, наконец, пластинки

для заочного музыкального образования. Содержание и назначение их трудно представить, так как у нас уже имеется опыт издания музыкальной литературы по заочному обучению. Музыкантам-заочникам периодически посылаются пластинки с учебными заданиями. Исполнение этих заданий, быть может, должно фиксироваться также на пластинки, и отсылаться учащимся обратно. Это вполне выполнимо, если учесть, что сейчас уже вполне возможен массовый выпуск пластинок (точнее, оригиналов) для так наз. уникальных записей. «Наговорить» или «напеть» такую пластинку сможет каждый прибавлением несложного и недорогого звукозаписывающего устройства к обычному патефону.

Через граммофонную пластинку и звуковое кино музыка приобщилась к передовой технике. Современная граммофонная пластинка с ее безукорыщенной техникой звуковоспроизведения позволяет использовать все новые звучания, достигнутые на базе усовершенствованной техники. С другой стороны, через пластинку стали известными новые средства оркестровки, а также и новые инструменты (например, отдельные инструменты джаза).

Существует дорогой и редкий аппарат «Вельтаминьон» — аппарат для точного воспроизведения игры знаменитых пианистов — Листа, Рубинштейна, Гофмана, Бузони и др. Не всякий имеет возможность пользоваться этим аппаратом. Соответствующие пластинки могут вполне заменять «Вельтаминьон».

Выпуску различных экспериментальных и учебных пластинок по музыке способствует сама техника звукозаписи. Можно, например, на одной стороне пластинки записать одновременно пять-шесть исполнений одного произведения, не смешивая и не «сталкивая» их. Каждая сторона пластинки проигрывается пять-шесть раз и каждый раз снова знакомит с новым исполнителем. Объяснение этому простое: на пластинку нанесено параллельно пять-шесть звуковых бороздок. Принцип параллельной записи за границей используется, главным образом, для развлекательных целей — выпускается целая серия «сюрпризных» — шуточных, с юмористическими неожиданностями, пластинок. Для нас эта техника имеет другое значение. Мы подходим к граммофонной пластинке в первую очередь с точки зрения использования ее для развития музыкальной культуры масс.

Пластинка — быстрый передатчик того, что на ней записано. Коммуникативность самой пластинки позволяет легко, дешево и скоро распространять музыку в массах. Наравне с радио (но в отличие от него в любую минуту и с любой продолжительностью) граммофон способен знакомить слушателя с самыми разнообразными произведениями музыкального искусства. Он способствует не только эстетическому восприятию музыки, но и воспитывает идейнопознавательное отношение к ней.

Пластинки являются прекрасным учебным пособием, для музыканта, пластинка может и должна стать наглядным контрольным справочником и занять на полке равноправное место с нотами.

На пластинке, например, может быть записана музыка редкого и даже уникального исполнения — скажем, музыка, исполняемая на «терменвоксе», на всевозможных, необычных по тембру электрических инструментах. Все это поднимает музыкально-научное значение пластинок.

Нужны также пластинки, на которых записывались бы партии аккомпанирующих инструментов. Это помогло бы исполнителям-солистам разучивать и репетировать музыкальные произведения с аккомпанементом (будь то рояль, оркестр или хор). Для инструменталистов и вокалистов, для самодеятельных кружков такие пластинки являются большим подспорьем в работе. Вообще пластинка может явиться замечательным помощником и учителем каждого начинающего музыканта (в особенности — на далекой периферии).

Еще А. В. Собинов советовал начинающим певцам иметь у себя граммофон и учиться петь по пластинкам. В самом деле, граммофонная пластинка может служить благодарным материалом для изучения мастерства лучших представителей вокального искусства, пособием для постановки голоса, для сравнения манеры пения разных солистов. Да только для сравнения?

Сохранилось несколько граммофонных записей одной и той же арии, исполняемой Собиновым в разные годы. Собинов 1906 г. и Собинов 1926 года. Разве это не замечательная по наглядности школа для певца?

Сколько великолепных теноров, певших когда-то в России, с успехом исполняли партию Ленского. М. Медведев, А. Барцал, Н. Фигнер, Анриал Мазини, А. Собинов и т. д.! Какой изумительный учебный материал остался бы в наследство будущему поколению вокалистов, если бы исполнение этих артистов было записано на граммофонный воск. Увы, молодая техника граммофонной записи многих из них уже не стала в живых.

Все то, что сохранилось у нас на фонографических валиках и в первых граммофонных записях, представляет огромное значение.

При каждой консерватории должна быть фонотека учебно-музыкальных пластинок. Организовать такие фонотеки нетрудно — были бы только инициатива и желание. У ленинградского Радиокomiteта есть, например, ценнейшие пластинки по музыке XVI в. Почему бы их не использовать там, где они всего нужнее — в музыкальном вузе? Немало пластинок специального музыкального значения найдется и в московском Радиокomiteте. Нужно чтобы все эти специальные коллекции, разбросанные в самых различных учреждениях, были объединены и получили свое настоящее и правильное применение.

Пластинка и радио. Это сопоставление заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее. Как только началась широкая радиофикация, возник снова интерес к граммофонной пластинке. Мы уже отмечали, что стремительные достижения радиотехники совпали во времени с такими же крупными успехами техники звукозаписи.

Радио, способное мгновенно ловить, усиливать и передавать звуки на далекие расстояния, поставило перед микрофоном не только «живых» исполнителей, но и хорошо звучащую пластинку. Радио освободило пластинку от ее узко-камерного назначения, от обслуживания только индивидуального потребителя и открыло ей, через эфир и провода, широкий доступ к массовой, многонациональной аудитории.

Как показывают программы заграничных радиопередач, в сетке мирового радиовещания прочно закрепились постоянные часы граммофонных концертов. И, как указывает статистика, интерес к граммофонным

передачам по радио не только не падает, но имеет повсеместно тенденцию к росту.

Нет нужды подчеркивать, что характер и содержание заграничных и наших граммофонных передач — резко отличны. Нигде не сделано так много по популяризации музыкальной культуры через пластинку, как именно у нас и именно посредством радио. Два-три года назад практика нашего радиовещания страдала даже некоторым перегибом «граммофонизации» эфира, т. е. стремлением свести все формы музыкального радиовещания к передаче граммофонных пластинок. Это, конечно, было грубо неправильно.

Но, несомненно, — передача граммофонных пластинок по радио гораздо более серьезное мероприятие, чем его представляют себе сами организаторы. Вопрос о качестве этих передач стоит сейчас в тесной связи с вопросом об освоении классического музыкального наследства массовым слушателем. Культурно растущий слушатель вправе предъявлять повышенные требования к исполнению классического репертуара. Где, как не в классическом репертуаре нужна глубина трактовки образа и безупречная техника исполнения? Как бы ни квалифицированы были художественные силы, участвующие в наших радиопередачах, но полную гарантию высококачественного исполнения можно получить лишь от большого, общепризнанного мастера-исполнителя с дарованием мирового значения. Известно, что на граммофонные пластинки записаны такие имена, как Карузо, Баттистини, Галли Курчи, Шаляпин, Рахманинов, Хейфец, Тосканини и т. д. Записанные в разное время, они, независимо даже от качества звучания самой пластинки, привлекают нас своим высоким мастерством и глубиной исполнения.

Граммофонные концерты с участием выдающихся артистов пользуются неизменным вниманием массового слушателя и, что самое главное, оказывают большое влияние на формирование его художественного вкуса. Многочисленные отзывы и анкетные обследования радиослушателей говорят о том, что в воспитании музыкального вкуса и даже в выборе репертуара для самостоятельного исполнения сыграли большую роль концерты граммофонной записи.

Пластинка нашла широкое применение на радио и в кино. Но есть еще много сопредельных областей искусства, где пластинка — желанный гость. Одна из них — театр. Пластинка здесь может не только заменить оркестр, стать механическим аккомпаниатором или музыкальным иллюстратором сценических эпизодов. Она может работать... суфлером. Именно суфлером — точным, грамотным, с хорошей дикцией.

Драгоценная особенность пластинки — говорить или петь с любой скоростью и громкостью — широко используется и в музейном деле. Звучащие и говорящие экспонаты — уже одно это изменяет представление о музеях, как о кладбище исторических ценностей. Известно, что фонографические валики хранят самые различные записи. На них записаны когда-то знаменитые и теперь уже умершие сказители былин, записаны народные сказки, которых теперь не рассказывают, и песни, которых теперь не поют. Все эти записи можно перевести с фонографа на граммофонную пластинку. Пластинка, принесенная в музей народов СССР, расскажет, как пели раньше и как поют теперь народы нашей страны.

Пластинка может многое сделать и в пропаганде лучших произведений советской литературы. В репертуаре Граммпластреста есть только случайные записи отрывков из произведений советских писателей и поэтов. Между тем, очень важно записать также самих поэтов, их оригинальные авторское чтение. Это вызывается далеко не только литературными интересами. Интонационно-ритмическая структура стихотворной речи представляет большой интерес для музыкантов.

«Хорошество авторской читки не в актерстве, — говорил Маяковский. — В. И. Качалов читает лучше меня, но он не может прочесть и других действующих особенностей — никем, кроме самого мастера, и ничем, кроме голоса, не передаваемых».

В другом месте (статья «Расширение словесной базы», 1927 г.) Маяковский настаивал: «Я требую громче, чем скрипачи, права на граммофонную пластинку. Я считаю правильным, чтобы к праздникам не только помещались стихи, но и вызывались читатели, чтецы для обучения их чтению с авторского голоса».

Эти требования до сих пор еще не реализованы. Более того, даже голос самого талантливого поэта советской эпохи так и остался незаписанным ни на пленку, ни на пластинку.

Трудно учесть все области применения граммофонной записи. С ростом культуры и техники все более расширяются границы этого применения. Вслед за пластинками с музыкальными и речевыми записями, за последнее время получают распространение научные и документальные записи. Оказывается, что пластинка, кроме художественного и развлекательного значения, имеет и чисто практическое. Она может быть с успехом использована в различных областях науки и техники — в физике, естествознании, в фонетике, при изучении языков, в зоологии и т. д. Появились пластинки с хроникальной записью (например, запись встречи американского летчика Линдберга при финише его знаменитого перелета через океан), пластинки с записью научных докладов и лекций, пластинки-учебники, пластинки — почтовые письма, звуковые сигналы и т. д. и т. п.

Запись на пластинку научных докладов, диспутов и конференций уже практикуется у нас в СССР. Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. Горького (ВИЭМ) организовал фонотеку с записанными на пластинку и кинопленку выступлениями исследователей в области экспериментальной медицины.

Оказалось, что на пластинку можно записать решительно все, что выражается звуком. И, следовательно, даже то, что находится за пределами человеческого слуха. А какой смысл записывать на пластинку то, чего мы не слышим? Очень большой. В первую очередь — научный.

Одна из главных особенностей механического звуковоспроизведения — передавать звук произвольно усиленным или ослабленным — широко использована наукой. Стоило только какой-нибудь необходимый звук записать с усилением, т. е. дать его увеличенную «фотографию», как обычная граммофонная пластинка смогла выполнять незаменимые контрольные функции. Такая «звуковая рентгенокопия» имеет неограниченные перспективы своего применения.

По граммофонной пластинке будущий аиатор и будущий шофер смогут научить шуму моторов и их отклонения от нормы, будущие медики — шуму сердца и легких. Профессор читает лекцию студентам медицинского института о работе человеческого сердца. Тайны «шопота» человеческого сердца он объясняет последовательной демонстрацией граммофонных пластинок. Техника позволяет теперь слышать всем бие сердца, как барабанные удары, и на слух сравнивать работу больного и здорового сердца.

В заключение остановимся еще на лингопластинке — пластинке для обучения иностранным языкам. Лингопластинка, пожалуй, должна занять второе место по распространению после музыкальной. Несколько лет назад Международное фонетическое объединение, центр которого находится в Лондоне, приняло оригинальный метод обучения языкам, предложенный профессором Ростоном. Метод заключается в записи на пластинки лекций-уроков, прочитанных опытными педагогами и лекторами данного языка. Эти лекции имеются также в отпечатанных брошюрах. Первые уроки-лекции настолько легки, что доступны пониманию начинающего изучать язык с самой элементарной подготовкой. Этот метод обучения называется «лингафон».

Принцип лингафона используется и у нас. Создается свой собственный лингафон со своей тематикой, отражающей нашу жизнь и переживаемую нами эпоху. Набор пластинок с хорошо разработанным материалом, отпечатанным в виде учебников, должен стать неременной принадлежностью не только каждой школы, но и каждой семьи.

Значение граммофонной пластинки как средства пропаганды лучших произведений музыкального искусства особенно возросло с тех пор, как началось распространение любительской граммофонной записи. Подобно широкому радиолубительству, сейчас быстро развивается любительская звукозапись. В радиопрессе все больше и чаще можно встретить предложения и статьи с описанием самодельных конструкций домашних звукозаписывающих установок.

За границей любительская звукозапись существует уже несколько лет. Большое распространение она получила в Америке и Англии. Энтузиасты-любители звукозаписи объединяются в специальные ассоциации, где обмениваются опытом и результатами своих записей.

Обладателю домашней звукозаписывающей установки не представляется труда составить фонотеку собственных записей. Главным поставщиком исполнителей является обычно радио. Не так давно Горьковский радиокomitee, по просьбе двух американских клубов, передавал специальный концерт в Америку и Канаду. Через несколько дней радиокomitee получил несколько необычную посылку. На ней стояла надпись: «Не имеет никакой коммерческой ценности, имеет технический интерес». Посылку вскрыли. В ней оказались три граммофонные пластинки. Их поставили на граммофон и услышали... радиоконцерт из Горького, переданный в США. На трех алюминиевых пластинках записаны 43 минуты радиопередачи для Америки. Эту радиопередачу принял и записал в Англии некий Виземан-Скотсвуд.

Записывая непосредственно из эфира лучшие образцы музыкального искусства, каждый любитель незаметно для себя приобщается к серьезной музыке, расширяет свои знания и воспитывает вкус. Не при-

ходится доказывать, насколько полезную роль сыграет у нас этот новый вид массового любительства.

Естественно, наряду с единичными любительскими установками, нам нужен и массовый звукозаписывающий прибор портативного, так наз. «Лейка». У нас уже сконструирован и подготовлен для массового производства подобный прибор с рекордером (резцом). На этом приборе можно записать на алюминиевую или целлулоидную пластинку выступления ораторов, различные музыкальные произведения и демонстрации их на обычном патефоне, немедленно после записи. Необходимо, чтобы соответствующие организации как можно скорее начали массовое производство этих приборов.

С появлением звукозаписывающих устройств массового типа получит широкое распространение такой вид граммофонной записи, как пластинки-письма. Каждый может наговорить или напеть такую пластинку в 5—10 минут и послать ее в качестве письма по почте. Таким образом семьи полярников могут послать звуковое письмо своим родным на зимовку, родители сохранить на память голоса своих детей, начинающие певцы — послать заявление в музыкальную школу с приложением звукового документа, демонстрирующего их вокальные данные. Эти пластинки-письма любого размера и продолжительности записи изготавливаются обычно из удобного для пересылки материала — небьющегося и гибкого. Для этой цели можно использовать отходы так наз. рентгеновской пленки, которая продается в любом магазине фотографических принадлежностей.

Каков завтрашний день граммофонной пластинки?

Многие думают, что граммофонная пластинка неминуемо обречена на вытеснение другими, более высококачественными видами звукозаписи. Это заблуждение. Разговоры о вытеснении граммофона звуковыми фильмами и радио так же ошибочны и вредны, как разговоры о вытеснении театра киноматографом.

Не надо забывать, что ко времени внедрения в быт таких нового типа «звуковых консервов», которые по дешевизне и простоте смогут вполне конкурировать с пластинкой, сама граммофонная запись станет также значительно более усовершенствованной (и, быть может, даже измененной в своих внешних признаках).

Постановление ЦК ВКП(б) 1933 года указывает на необходимость улучшать и расширять производство граммофонов и граммофонных пластинок. Продукция должна быть увеличена со 155 тысяч граммофонов в 1933 г. до полутора миллионов в 1937 г. Выпуск граммофонных пластинок должен быть увеличен с 3 миллионов в 1933 г. до 40 миллионов в 1937 г.

Кроме Апрелевской фабрики пластинок им. 1905 года начал теперь работать новый Ногинский завод. Намеченную ЦК партии программу выпуска пластинок в 1937 г. можно и нужно перевыполнить.

Развертывание советской граммофонно-пластиночной промышленности совпадает с освоением самых последних технических достижений в этой области. Новые открытия и достижения в области радиотехники и акустики предсказывают еще большее совершенствование, и следовательно и большее распространение граммузаписи.

Массового слушателя, а тем более слушателя-музыканта, не удовлетворяет специфически-металлическое и, одновременно, приглушенное звучание пластинок. Еще более это не удовлетворяет самих инженеров звука. Поэтому понятны их стремления добиться максимально ясного и естественного звучания.

Это стремление уже находит свое блестящее выражение в опытах по так наз. «стереоскопизации» звука. Получить звучание стереоскопическим, т. е. выпуклым, прозрачным, жизненным — особенно важно для музыкальных передач. Недаром один из лучших современных музыкантов, дирижер Филадельфийского симфонического оркестра Леопольд Стоковский, был первым, кто использовал «стереоскопическое» «рельефное» звучание в своей концертной практике. Стоковскому настолько удался его эксперимент, что слушатели, присутствовавшие на концерте в Вашингтоне, до самого конца не знали, что это была всего лишь трансляция из Филадельфии (концерт передавался при закрытом занавесе).

Принцип «стереоскопического» звучания в конечном счете сводится к «двухрупорному» отражению звука. Музыка передается одновременно через два репродуктора, из которых каждый построен таким образом, что охватывает только определенный диапазон звуков, или, говоря техническим языком, определенную частоту звуковых колебаний.

Если пластинку при самом ее производстве записать через два микрофона, а потом слушать одновременно через два адаптера (звукоснимателя) и два репродуктора, то можно получить замечательный эффект полной естественности и чистоты музыкального звучания.

Пластинка с двумя параллельными звуковыми бороздками (каждая на отдельный адаптер) — прообраз той новой совершенной пластинки, которую предложат наука и искусство в самом ближайшем будущем.

Технические и художественные возможности граммофонной записи, как видим, остаются еще далеко неисчерпанными. С дальнейшим усовершенствованием звуковой аппаратуры, в частности с массовым выпуском дешевых портативных радиол и применением автоматов для механической смены пластинок — получат широкое распространение так наз. серийные граммофонные записи — «музыкальные монографии». Подобного рода записи вмещают как главные произведения одного и того же композитора (при одном и том же исполнителе), так и полное воспроизведение любого крупного сочинения (например целой оперы).

Уже сейчас за границей выпускаются пластинки, на которых при обычном формате записано музыкального текста в пять раз больше, чем обычно, т. е. пластинка проигрывается уже 15 минут и более. Достигнуто это, главным образом, за счет более мелкой нарезки самой звуковой бороздки. Есть также пластинки, рассчитанные преимущественно на радиовещание, проигрывание которых происходит в течение часа.

Все эти технические новшества, конечно, не оставляются нами без внимания и также осваиваются. Сейчас в Москве заканчивается оборудование специально построенного крупнейшего в мире «Дома звукозаписи». В «Доме звукозаписи» будут сосредоточены все первичные производственные процессы записи и изготовления пробных экземпляров граммофонных пластинок. Здесь будет проводиться также и большая экспе-

риментальная работа по звукозаписи. В «Доме» устраиваются мощные экспериментальные лаборатории, из которых впоследствии вырастет единственный в мире научно-исследовательский институт граммофонной записи. Предполагается также организовать фонотеку (архив пластинок), которая будет хранить все когда-либо выпущенные в мире пластинки.

Говоря о разных видах граммофонной записи, мы вынуждены были некоторые из них предлагать и предполагать. Объясняется это только недооценкой граммофона. Лучшее тому подтверждение — художественно-тематический план Граммпласттреста на 1937 г. (с опозданием на три месяца утвержденный Комитетом по делам искусств). В этом плане, установленном количеством записей по каждому разделу. Так например, на массовую песню отведено всего 20 записей (в то время как, например, оперетта и эстрада получили 50 записей). Во-вторых, в плане воспроизведения записей. Таинственная графа «резерв» (167 записей), разумеется, не спасает положения.

Пропагандируя через пластинки культуру художественной речи, живое слово, не следует забывать и о веселом слове — фельетоне, юмористическом рассказе. Юмор на пластинке — раздел, незаслуженно забытый авторами тематического плана. Что касается музыкального фельетона или музыкальных скетчей, то над этим составителя плана, видимо, и не задумывались.

«Легкая», развлекательная музыка вовсе не должна ограничиваться танцевальной музыкой и отрывками из оперетт. Советская развлекательная пластинка — в первую очередь пластинка культурного отдыха. Все это как будто совершенно азбучные истины, между тем они еще до сих пор не усвоены художественным руководством Граммпласттреста.¹

Продукция Граммпласттреста также еще не находит глубокой критической оценки. В общей и тем более специальной музыкальной печати о пластинках пишется недопустимо мало. Компетентная и обоснованная критика подменяется ведомственными панегириками, одобренными хроникерским перечнем новых выпущенных названий.

Не разгромлены и теоретические «принципиальные противники» граммофона. Отражением последних настроений несомненно является статья о граммофоне в Большой советской энциклопедии. Некий П. Зимин навсегда увековечил себя (впрочем, не навсегда, а до следующего издания) следующим «оригинальным» утверждением:

«...Граммфон, наряду с фонографом приносит заметную пользу. Однако нельзя не отметить и значительного вреда, причиняемого граммофоном, ибо $\frac{3}{4}$ распространяемого им музыкального репертуара принадлежит к категории так наз. «легкой музыки» и поэтому способствует понижению музыкальных вкусов».

Пора прекратить такую обывательскую болтовню о советской граммофонной пластинке. И пора сказать о ней настоящее, серьезное и новое слово.

¹ К подробной оценке репертуара советских пластинок я надеюсь вернуться в специальной статье. Л. В.-Л.